

УДК 801.73

СПОСОБЫ ДАНОСТИ СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

И.В. Соловьева

Тверской государственный университет, Тверь

В настоящей статье рассматривается теоретическая возможность отсутствия иерархической организации смыслов в художественном тексте. Усмотрение разных смыслов рассматривается в связи со способами опредмеченности этих смыслов текстовыми средствами.

***Ключевые слова:** иерархия смыслов, смысловое гиперкодирование, интерпретация, интенция, понимание.*

У настоящей статьи две основных задачи. Первая из них связана с гипотезой о возможном отсутствии иерархии в системе смыслов художественного текста. Вторая – с особенностями усмотрения читателем разных типов смыслов в зависимости от того, на каком из этапов рецепции текста он находится: на этапе первичного восприятия текста либо при возврате с целью интерпретативного понимания. Специфика усмотрения смысла может быть связанной с особенностями его опредмечивания текстовыми средствами. Линейно манифестированный и вертикально гиперкодированный смыслы принадлежат, соответственно, первому и второму этапам рецепции текста. Одним из оснований наших дальнейших рассуждений послужит точка зрения, согласно которой, несмотря на допущение отсутствия иерархичности текстовых смыслов, ни один из них не является результатом случайности, возникшей при его опредмечивании.

Принято считать, что текст представляет собой настолько многостороннее явление, что усмотрение смысла в нём становится «хождением по лабиринту» столкнувшихся разнородных явлений. Помимо собственно текстовых средств в состав феноменов, влияющих на интерпретацию, входят и идеальные категории, связанные с объективностью и субъективностью процессов, влияющих на ход продукции и рецепции текста и на проектирование / принятие автором / читателем интерпретативных решений. Присутствие в тексте двух основных категорий смыслов – смысла культуры и авторского смысла – также обусловлено степенью представлений автора и читателя об объективности и субъективности. Эти же категории управляют мнением читателя-интерпретатора об адекватности достигнутого понимания.

Поскольку текст как «форма сказывания» (А.А. Потебня) представляет собой продукт, в котором «застывает деятельность», ведущая к его созданию, адекватность его понимания заключается в усмотрении

интенции, которая представляет собой опредмеченную в тексте авторскую цель. Усмотрение интенции возможно благодаря тому, что формы текста как продукта деятельности манифестируют способы действия продуцента и соответствующие цели действия. Следовательно, интенция опредмечивается текстовыми средствами и может быть усмотрена в результате рефлексии. Подробнее об этом см.: [3; 5].

Усмотрение смысла, его объяснение или интерпретация, представляет собой неизбежную цель деятельности читателя, поскольку целеполагание может присутствовать в любом человеческом действии в силу рефлексивности естественной установки человеческого сознания (Э. Гуссерль). Объяснить, либо интерпретировать – значит сделать ясным, понятным. Это определение интерпретации указывает на постоянное наличие той неясности или того непонимания, которые и вызывают необходимость объяснения (герменевтической ситуации). Ясность представляет собой наиболее общую цель, частично сопоставимую с адекватностью понимания текста. Заметим, что ставший классическим герменевтический термин «осознанное непонимание», т.е. остановка в процессе понимания, когда читатель (реципиент) задаёт себе вопрос о том, что именно он понял, и этот вопрос требует ответа, может относиться как к содержанию, так и к смыслу.

Осознанное непонимание и необходимость интерпретации для выхода к смыслу и степень адекватности достигнутого понимания, как правило, связаны с неопределённостью. Природа неопределённости и, как следствие, неуверенности в степени адекватности своего понимания, исходит из представления о том, что понимание, «согласное замыслу автора» является адекватным только в том случае, если автор строил свой текст, исходя из «смысла культуры» в качестве основания (или одного из смыслов, представляющих видовое начало по отношению к родовому смыслу культуры); а иначе адекватным будет понимание «против замысла автора», поскольку автор в этом случае не понимал и не мог понимать свой текст, ибо действовал, находясь вне культуры [4]. Цитируемый здесь автор полагает, что интенция как метасмысл или мета-метасмысл возникает в рефлексии процессуально, и, следовательно, её конституция основана на рефлексии над интенциональными смыслами (метасмыслами) более низкого порядка, осваиваемыми в процессе понимания. По разным причинам, включая несовпадение собственных целей действия с авторскими, реципиент может понять текст, т.е. усмотреть его интенцию, не так, «как предполагал» продуцент текста (либо как продуцент не предполагал, что на наш взгляд, вызывает вопросы – И.С.). Однако такое понимание всё же может быть адекватным, если в качестве основания интерпретации будет выбрана цель культуры [там же]. Таким образом, следуя приведённым рассуждениям, смыслы художественного текста должны неизбежно выстраивать-

ся в жёсткую иерархическую систему, где частный авторский смысл встраивается в более высокие иерархические уровни и в результате – в смысл культуры как метасмысл, а читательское понимание может и должно идти тем же путём, иначе адекватное понимание текста достигнуто быть не может. Кроме того, авторский смысл не предзадан тексту, а процессуален, т.е. стихийен в своём выстраивании. Первое из двух этих утверждений, однако, противоречит второму – поскольку сомнительной является сама возможность возникновения иерархии из стихийно опередмеченных смыслов. Несмотря на высказанное здесь сомнение, представление о смысловой иерархии, восстанавливаемой на основании художественного текста, является, тем не менее, традиционным для лингвофилологической герменевтики, и предполагает наличие содержательной взаимосвязи между смыслами, принадлежащими к разным «эшелоном» умозрительной пирамиды. Эта мысль находит подтверждение в [1; 6], где ход иллюстративной интерпретации Р. Бартом и У. Эко художественных текстов демонстрирует, по меньшей мере, тот факт, что все смыслы текста формируют две основные группы, одна из которых может не быть основанной на второй: это 1) смыслы уровня линейной манифестации и 2) смыслы вертикального гиперкодирования. Содержание смыслов разных уровней и способы их опередмечивания могут различаться, а вне содержательной взаимосвязи иерархическая система смыслов не может быть восстановлена на основе текста.

Таким образом, идея неперемного наличия иерархии смыслов и, соответственно, возможности (либо необходимости) её усмотрения для формирования адекватного понимания текста, может не оправдать себя и оказаться контрпродуктивной для исследований в области понимания.

В связи с этим здесь предлагается иная гипотеза относительно организации смыслов, опередмеченных средствами художественного текста. Она состоит в том, что две основных смысловых категории текста – авторский личностный (частный) смысл (либо разные авторские смыслы) и смысл (смыслы) культуры, соприисутствуя в тексте, могут не вступать в иерархические отношения и быть ограничены лишь условиями соприисутствия (либо минимального соприисосновения) в пределах фабулы художественного текста. Как следствие, авторская интенция и «цель культуры» могут быть также рассогласованы и не вступать в прямую вертикальную зависимость, что не исключает полностью возможности их одновременного присутствия в художественном тексте и, как следствие, множественности авторских целей.

То же может быть сказано и в отношении взаимосвязи авторского смысла и смысла культуры, которые могут быть опередмечены разными способами и, как следствие, не находиться не только в содержательной, но и в формальной зависимости друг от друга.

Допущение, касающееся отсутствия привязки между уровнями всех смыслов текста друг к другу, влечёт вывод о возможной независимости существования разных смыслов в тексте. В пользу этого вывода свидетельствует, в первую очередь, наличие в культуре текстов неоднозначной адресованности, т.е. таких текстов, которые могут быть поняты разными категориями читателей в результате выхода к разным смыслам или к ограниченным группам смыслов.

Первое, что вспоминается в качестве набора универсальных примеров, – «Сказки тысячи и одной ночи», «Алиса в стране чудес», «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» и «Граф Монте-Кристо», «Синяя птица» – как тексты, по-разному доступные для их понимания читателями, детьми и взрослыми, где субъективное и всеобщее, личное и общественное, индивидуальное и политическое как сосуществующие, но не выстроенные в иерархию смыслы, формируют разные возможности понимания и интерпретации для разных категорий читателей. Есть основания полагать, что список такого рода текстов открыт и может включать практически любой текст культуры.

Ещё один вывод, который следует из приведённых выше рассуждений, оптимистичен, так как он объясняет то, по какой причине содержание сформированного в результате интерпретации понимания может быть разным у разных людей, каждый раз являясь при этом адекватным, хотя и не являясь при этом полным. Наша гипотеза о сосуществовании смыслов в тексте вне их жёсткой иерархии объясняет и ещё одну – человеческую – ситуацию, с которой сталкивался хотя бы раз в жизни любой читатель, обладающий разной степенью интерпретационной искущённости. Здесь мы имеем в виду возврат к когда-то прочитанному тексту и феномен «нового прочтения», неизбежно сопровождающийся выходом к новым смыслам текста. Эти смыслы изначально были определены автором, но не могли быть усмотрены читателем, причём не в силу иерархичности системы смыслов, а вследствие иного состава читательского опыта. При возврате к тексту возможность выхода к нашим «детским» или «юношеским» смыслам как предыдущему уровню может быть безвозвратно утрачена. Но, в силу приобретенного опыта жизни, и в опыте чтения других текстов, мы усматриваем и новые способы опредмечивания, а вместе с ними – новые текстовые смыслы, которые оказались на новом этапе доступными для усмотрения.

Поскольку смыслы в тексте «даны» и, соответственно, могут быть освоены, возникает вопрос о способах их данности (т.е. опредмеченности текстовыми средствами). Способы данности, с нашей точки зрения, находятся в непосредственной связи с этапом усмотрения смысла реципиентом. Этих этапов два: 1) этап фиксации рефлексии как преимущественно эмоциональный этап переживания смысла при первом прочтении текста, где интерпретация происходит на уровне фабулы и

линейной манифестации смыслов, и 2) рациональный этап интерпретации текста с целью сформулировать своё понимание – усмотрение смысла как эффекта смыслового «гиперкодирования» (термин «гиперкодирование» применяет У.Эко [6, с. 461]).

О первом из двух перечисленных этапов более подробно см.: [3]. Говоря о формальных способах данности смысла на этом этапе чтения текста, невозможно переоценить содержательность как взаимосвязь смысла и содержания в условиях линейной структуры текста и, как следствие, здесь необходимо отдать должное синтаксису. Синтаксис непосредственно связан с пропозициональностью, логикой изложения, мелодикой фразы, что, соответственно, на этапе первичного восприятия непосредственно влияет на содержание значащего переживания, и именно поэтому главную роль в дихотомии «синтаксис–лексика» на этапе первичного предъявления текста читателю мы отдаем синтаксису. Однако даже на этом, первом, этапе «текст не отказывается от того, чтобы вызвать у возможного критического читателя подозрения относительно своей (т.е. текста) подлинной стратегии» [6, с. 354]. Подлинная же стратегия – та, которая находится вне пределов очевидно данного на уровне линейной манифестации смысла.

Нас, однако, в большей степени интересует второй, интерпретативный, этап понимания текста и основания для обоснованного рационалистичного выхода к смыслу в его пределах. В этой связи остановимся на содержании термина «гиперкодирование» (overcoding) в том смысле, в каком его использует его автор, Умберто Эко, – как кодирование, использующее коды, «накладываемые поверх» уже существующих кодов. В качестве пояснения к данному определению автор приводит пример – выражение «до свидания», которое, в силу существующих кодов, может быть проинтерпретировано как «прощание при расставании на время», но над этим кодом можно построить и другой, новый, в котором это элементарное выражение приобретет новое значение. Добавим к этому авторскому определению ещё одну возможность гиперкодирования: наделение каждого из слов вновь своим словарным значением, актуализация, которая ведёт к «расклеиванию» устойчивой фразы. Именно такое понимание термина будет использовано нами далее в рассуждениях о выходе к смыслу текста.

В основе нашего термина «смысловое гиперкодирование» находится допущение того, что часть смыслов «закладываются» в текст не процессуально, т.е. в ходе линейного формулирования мыслей автором, а предварительно, на этапе возникновения авторского замысла, и опредмечиваются как не связанные непосредственно с содержанием. В пользу этой точки зрения свидетельствует феноменологическая установка на необходимость усмотрения намерения (intention) как того, что стоит за конкретным высказыванием. Понятие «намерение» – в более

узком смысле – перерастает в понятие «интендирование» как способ жизни сознания [2, с. 9]. Интенциональность как данность объекта сознанию, его представленность в сознании и собственно акт представления как переживание (Erlebnis) или единичный ментальный опыт (Vorstellung). Э. Гуссерль начинает первое исследование второго тома «Логических исследований» с различения интенции как коммуникативного намерения и «интенции» в специфическом смысле – как «придания значения», его актуализации [Bedeutungsintenzion], что и делает некий предмет данным, связывая с ним языковое выражение как то, что этот предмет означает. Интенция придания значения соответствует, таким образом, чистому акту предметного представления для осмысленных выражений [7]. Т.е. понимаемое может выступать перед реципиентом в виде смыслов, линейно не слитых с содержаниями, предикациями в рамках развертывающегося ряда пропозиций, но, при этом, оно может быть представлено в виде смыслов, слитых со значениями слов, не всегда выстроенных линейно в пределах синтаксического целого.

Гиперкодирование при программировании и последующем поиске смысла может иметь место там, где при возвращении к прочитанному тексту для его интерпретации критический читатель найдёт основания для понимания в значении слова, не связанном с синтаксической цепочкой. Значения, указывая друг на друга, взятые вне привязки к синтаксису, могут указывать и на смысл. Это предположение особенно иллюстративно в случае выхода читателя к смыслам культуры.

Возможность усмотрения смысла на основе значений отдельных слов, вписанных в разные синтаксические цепочки, не обязательно связанные микроконтекстом, возможно потому, что формирование смыслов культуры происходит через их предшествующую многократную фиксацию в текстах, обладающих серьёзной историей прецедентности. Поэтому взаимосвязь смысла с конкретным словом и его значением предоставляет культурному читателю возможности «узнавания» соответствующих контекстов, смысловых картин и смыслов через слово. Предположительно, чем глубже смысл культуры, тем в меньшем количестве лексических индикаторов он может нуждаться.

Таким образом, вопрос об адекватности понимания как усмотрении всей системы смыслов художественного текста может быть решён ещё одним способом – на основании допущения, что иерархичность смыслов не является обязательным требованием к условиям их существования в тексте. Смысл может быть представлен в тексте как линейно, на основе содержания высказывания, так и дискретно, в гиперкодированном в системе значения слова виде.

Список литературы

1. Барт Р. S/Z: пер. с фр. / под ред. Г. К. Косикова. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
2. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. 137 с.
3. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста: учеб. пособие. Калинин: Калини. гос. ун-т, 1989. 70 с.
4. Пихновский П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики: дис. ... канд. филол наук: 10.02.19. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. 138 с.
5. Щедровицкий Г.П. Рефлексия // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк. культ. полит., 1995. С. 485–496.
6. Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста: пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: «Симпозиум», 2005. 502 с.
7. Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First book: General Introduction to Pure Phenomenology, trans. by W. R. Boyce Gibson. New York: Collier Books, 1975. Ch. 3.

PRESENTATION AND COEXISTENCE OF MEANINGS IN LITERARY TEXT

I.V. Solovyeva

Tver State University, Tver

Hierarchical arrangement of meanings or ideas into an overall system is a traditional view of how meanings are arranged in a text of fiction. Our reasoning is based on the assumption that meanings can coexist in a text without being built into a stiff framework. They can also be presented in different ways – either as based on linear informative syntax, or as maintained by meanings of words belonging to different and even distant propositions.

Keywords: *hierarchy of meaning, overcoding, interpretation, intention, understanding.*

Об авторе:

СОЛОВЬЕВА Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Тверского государственного университета, e-mail: ira_geger@mail.ru